

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Г.Н. Гаврилко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, galina_gavrilko@list.ru*

Стратегическая автономия – это не только расширение военных возможностей; это катализатор формирования Европой общих внешнеполитических целей. В этом заключается главное отличие интеграции от простого сотрудничества. Несмотря на то, что общая оборонная политика ЕС развивалась до сих пор крайне осторожно, следует отметить устойчивый характер этой тенденции.

Ключевые слова: стратегическая автономия; Европейский союз; Китай; глобализация; торгово-экономическое сотрудничество.

STRATEGIC AUTONOMY OF THE EUROPEAN UNION AND THE INFLUENCE OF CHINA

G.N. Gavrilko

Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus. galina_gavrilko@list.ru

Strategic autonomy amounts to a lot more than enhanced military capability. In the EU, it acts as a catalyst for the elaboration of the common foreign policy goals for Europe. The ability to set the common goals constitutes the main difference between integration and cooperation. The movement towards a common EU defence policy has been cautious, yet the progress is visible, and should be noted taken into consideration.

Keywords: strategic autonomy; the European union; China; globalization; trade and economic cooperation.

В ноябре 2018 г. президент Франции Эммануэль Макрон и канцлер Германии Ангела Меркель заявили о необходимости создания автономной “европейской армии”. Эта инициатива вызвала бурную реакцию политиков в Европе и США, хотя идея формирования единой оборонной политики и создания автономного оборонного потенциала Европейского союза больше 60 лет. Не менее жаркие дискуссии велись и среди сторонников стратегической автономии Европейского союза, необходимость принятия которой была провозглашена в Глобальной стратегии безопасности ЕС [1].

Стремление Евросоюза к стратегической автономии вызывает у разных политиков и экспертов противоречивую реакцию. Одни утверждают, что: во-первых, у ЕС, в сравнении с НАТО, нет денег на строительство обороны; во-вторых, разобщенность между старой и

новой Европой является препятствием для совместных действий; в-третьих, у европейских стран нет воли к самостоятельности и они просто обречены оставаться придатком США. В этих критических высказываниях присутствует градус эмоций. Если Европа обречена на зависимость от США в сфере безопасности, то нет повода для беспокойства по поводу ее военной автономии. А если есть объективные предпосылки для этого, то нужно рассматривать их объективно.

По мнению экспертов [2], в критике стремления Евросоюза к независимости в военной сфере отсутствует понимание масштаба тех объективных глубинных изменений, которые произошли в Европе и в мире за последние четверть века. Во времена холодной войны трансатлантическая солидарность основывалась на общих стратегических интересах союзников, прежде всего в сфере безопасности, которая рассматривалась сквозь призму биполярной модели международных отношений. В связи с этим само понятие НАТО было тождественно понятию Запад. Общий и главный интерес союзников – военно-политическое противостояние СССР и странам Варшавского договора – был неразрывно связан с общими для западной либеральной демократии ценностями и общей европейской идентичностью.

Устранение угрозы глобального конфликта стало катализатором европейской интеграции в сфере общей внешней политики и политики безопасности, а также общей европейской обороны. Оно обнажило глубинное противоречие между стратегическими целями европейской интеграции, объективно ведущими к независимости Европы от США в сфере безопасности, и традиционной атлантической солидарностью. На фоне кризиса в евроатлантических отношениях растущее беспокойство руководства Европейского союза вызывают рост нестабильности, наличие открытых и “замороженных” конфликтов по периметру ЕС – в первую очередь на пространстве СНГ, а также на Украине, на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Они создают не только питательную среду для международного терроризма, но и прямую угрозу неконтролируемой эскалации напряженности в межгосударственных отношениях.

Динамика и направленность оборонной политики Европейского союза будут в большой степени определяться отношениями ЕС с главными центрами силы и ключевыми партнерами. На эти отношения влияние все в большей степени оказывает относительно новое явление – глобальное распространение антиглобалистского феномена, получившего название популистский национализм. Подъем национализма наблюдается в разных частях света, регионах и странах,

преодолевая разрыв между лидерами-националистами Запада и не-Запада. Несмотря на общие черты, популистский национализм имеет ярко выраженную местную специфику в трех ключевых для ЕС странах – США, Китае и России.

В Китае популистский национализм можно охарактеризовать как неоимперский национализм. Цель Китая догнать и перегнать Америку. Его задача максимум – однополярный мир, более скромная – двухполюсный мир, в котором Китай обладал бы неоспоримым политическим влиянием. Главными составляющими политического влияния международного центра силы являются экономическая и военная мощь. Экономическая мощь Китая сегодня не вызывает сомнения. 12 марта 2019 г. Европейская комиссия издала доклад под названием “ЕС – Китай: стратегический взгляд”, в котором Китай рассматривается не только как партнер, но и как конкурент Евросоюза. Это вызвало ответную реакцию китайской стороны [3].

Отношения ЕС и Китая – это отношения сотрудничества и соперничества, причем в последнем КНР явно выигрывает. Его экономическая экспансия проникла в регионы, где традиционно были сильны позиции стран ЕС – Балканы, Восточное Средиземноморье, Африка. ЕС опасается не только экономической, но и военной экспансии Китая в частности его растущей милитаризации и роли КНР как экспортера современных вооружений. Китай не демонстрирует свою военную мощь, однако “жемчужная нить” китайских военных баз, скромно именуемых опорными пунктами, простирается от Южно-Китайского моря до Африки. Растет вероятность, что Китай предъявит территориальные претензии в Антарктике, разделенной между 12 странами в 1959 г. Арктику, которая разделена не в полной мере, китайские стратеги рассматривают как очередной Шелковый путь и к тому же как обходной путь в Европу. Приход Китая в эти воды означает серьезные стратегические последствия для Европы [4].

В докладе Еврокомиссии “ЕС – Китай: стратегический взгляд” отмечается: “Растущий военный потенциал Китая в сочетании с его всеобъемлющим подходом и амбициями к тому, чтобы к 2050 г. иметь технологически самые передовые вооруженные силы, создает проблемы безопасности для ЕС уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Межсекторальные гибридные угрозы, включая информационные операции и крупные военные учения, не только подрывают доверие, но и ставят под угрозу безопасность ЕС, и должны рассматриваться в контексте наших взаимоотношений”[5].

В рамках “торговой войны” с Китаем в США и Европе усиливается негативное информационное давление в отношении

главной составляющей китайской новой наступательной внешней политики – инициативы “Один пояс, один путь”. Американский мозговой центр *C4ADS* (*CenterforAdvancedDefenseStudies* - *C4ADS*) опубликовал доклад, в котором говорится, что китайская инициатива направлена прежде всего на усиление политического и военного влияния КНР в регионах ее реализации.

Аналитики *C4ADS* рассмотрели более 15 проектов строительства и модернизации морских портов с использованием китайского капитала в Бангладеш, на Шри-Ланке, в Камбодже, Австралии, Омане, Малайзии, Индонезии и Джибути. В результате исследование показало, что утверждения Пекина о том, что все проекты основаны на принципе взаимной выгоды, не соответствуют действительности. Ранее схожий по содержанию доклад, в котором говорилось об опасности усиления экономического и политического влияния Китая, особенно в странах Восточной Европы, был опубликован немецким Институтом китайских исследований Меркатора (*MercatorInstituteforChinaStudies*).

И в американском, и в немецком докладах мало конкретики. Приведены уже известные факты, касающиеся предоставления китайскими финансовыми институтами кредитов для реализации того или иного проекта в рамках стратегии “Один пояс, один путь”. Далее описываются риски увеличения госдолга стран-реципиентов, в которых осуществляются проекты, за счет получения китайских кредитов и дается прогноз усиления политической и экономической зависимости этих стран от Китая. Основные положения концепции “Один пояс, один путь” (которые не являются секретными и опубликованы в официальных китайских документах) американские, европейские, а вместе с ними и индийские эксперты интерпретируют как подтверждение своих выводов о приоритетном усилении китайской военной мощи в АТР на основе логистических проектов. Они также ссылаются на выводы китайских же специалистов о том, что инвестиции в порты и соответствующую промышленную инфраструктуру могут быть использованы для усиления политического влияния и создания “стратегических поддерживающих государств”, с помощью которых Китай может развивать транспортные узлы, обеспечивающие расширение китайского военного присутствия.

На основе так называемых “шести выделенных характеристик” (стратегическое географическое расположение, модель развития проекта двойного назначения, общий контроль за реализацией проекта со стороны КПК (*CommunistPartyofChina*), финансовый контроль, непрозрачность, не равная выгода) американские эксперты из *C4ADS* приходят к выводу, что основная цель китайской инициативы – это усиление экономического, политического и военного присутствия Китая

в регионе, а не экономическое соразвитие. В “информационной войне” принимают участие и европейские официальные лица. В апреле 2018 г. 27 из 28 послов стран ЕС в Китае (кроме посла Венгрии) составили официальное письмо, в котором подвергли критике китайскую инициативу.

В письме также говорится об опасности сотрудничества с Китаем, если не будут соблюдаться принципы прозрачности сделок, экологические и социальные стандарты ЕС. Кроме того, отмечается, что КНР идет по пути разделения ЕС путем сотрудничества с отдельными государствами, например, Венгрией и Чехией, которым предоставлены крупные китайские кредиты и инвестиции.

Европейская комиссия работает над документом, в котором будет отражена единая позиция стран ЕС в отношении “Одного пояса, одного пути”. Кроме того, стала активно обсуждаться проблема ограничений в торговле между ЕС и Китаем и требования КНР активнее передавать китайским компаниям европейские технологии. Подчеркивается, что вместо обсуждения снижения торговых барьеров Китай уже форсирует заключение инвестиционного соглашения ЕС–Китай к собственной, как считают в Евросоюзе, выгоде. Кроме того, отмечается, что Китай, против интересов ЕС, использует “серые зоны” регулирования прав интеллектуальной собственности в рамках ВТО и, хотя и с пониманием относится к претензиям европейских чиновников, но ничего не делает для исправления ситуации.

В начале 2018 г. в Германии помимо доклада Института Меркатора (MercatorInstituteForChinaStudies) был опубликован доклад государственного немецкого агентства GermanyTrade&Investment совместно с Немецкой ассоциацией торгово-промышленных палат, в котором также отмечается, что фокус китайской инициативы сосредоточен на политически нестабильных государствах, не обладающих жестким правовым полем, а более 80% финансирования, предоставленного финансовыми институтами КНР, уходит самим китайским компаниям.

В целом основные обвинения разных исследований сводятся к тому, что модель роста Китая основана на экспорте его оборудования, материалов, менеджмента и рабочей силы. При реализации проекта на китайские деньги доля участия принимающей страны минимальна – мало созданных рабочих мест и связей с местными поставщиками. Есть также претензии и в отношении устаревших деловых практик, исключения из числа поставщиков местных производителей, неисполнения обязательств китайскими подрядчиками, несоответствия китайских проектов национальному регулированию, поставок

низкокачественного оборудования. Кроме того, в укор Пекину ставится практика, когда китайские компании работают не с представителями местных сообществ, а с крупными политическими лидерами, и, следовательно, не учитывают реальных интересов местного населения. Следует заметить, что китайские власти во многих случаях конструктивно, по крайней мере на словах, дабы избежать политических обострений, реагируют на критику и стараются изменить модели поведения своих компаний. Так, Китайская торговая палата по экспорту и импорту металлов, минералов и химикатов (ChinaChamberofCommerceofMetalsMinerals&ChemicalsImporters&Exporters) в ответ на внешние претензии еще в 2015 г. опубликовала «Рекомендации по социальной ответственности КНР при осуществлении иностранных инвестиций в добывающий сектор» ("Recommendations on the social responsibility of the PRC in the implementation of foreign investments in the extractive sector"), где предписывается строго придерживаться местных норм в области техники безопасности, национального трудового законодательства, а также принципов ООН по ведению бизнеса и «соблюдению прав человека».

Стратегическая автономия требует от стран – членов ЕС нового подхода к двум основным направлениям: кризисное управление и защита собственной территории. В условиях глобализации в Европейском союзе существует готовность вырабатывать компромиссы и добиваться реальных результатов. Террористические атаки, нестабильный Ближний Восток, экономическая и политическая экспансия Китая, ухудшение отношений с Россией и избрание «антиевропейского» президента США являются мощными стимулами на этом направлении. Европейские лидеры признают, что внутриевропейское сотрудничество является единственным способом обеспечить безопасность своих граждан и защитить свои интересы в стратегически важных для ЕС регионах.

Растущая экономическая и военная мощь КНР вместе с его глобальными амбициями останется в будущем стимулом к созданию оборонного потенциала ЕС, а в перспективе и к объединению сил с ключевыми партнерами в отражении этого вызова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The EU Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. From Shared Vision to Common Action: Implementing the EU Global Strategy. 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 10.07.2020)

2. Arbatova, 2019; URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Arbatova.pdf> (accessed 10.07.2020)

3. ЦюаньЦюань全球眼, 2019; URL: <https://inosmi.ru/politic/20190326/244813841.html> (accessed 10.07.2020)

4. François Godement, Abigaël Vasselie; 2017; URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/china_eu_power_audit7242/ (accessed 10.07.2020)

5. EU-China Strategic Outlook: Commission and HR/VP Contribution to the European Council (21-22 March 2019). 2019. – European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/publications/eu-china-strategic-outlook-commission-contribution-european-council-21-22-march-2019_en (accessed 10.07.2020).

США В ТОРГОВОЙ ВОЙНЕ С КИТАЕМ: ОТ ДИСКУССИИ К ПРАКТИКЕ

Г.Н. Гаврилко¹, ШиЧжичао²

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, galina_gavrilo@list.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shizhichao130@gmail.com*

В статье рассматриваются споры китайских исследователей об отношениях с США на фоне торговой войны. Оптимистические суждения о неизменной важности внешнеполитических и экономических связей Китая и США китайские эксперты высказывают реалистичные оценки, основанные на признании кардинальных изменений в двусторонних отношениях, в том числе в области внешней торговли.

Ключевые слова: внешняя политика; торгово-экономическое сотрудничество; стратегия взаимодействия; «торговая война».

THE UNITED STATES IN A TRADE WAR WITH CHINA: FROM DEBATE TO PRACTICE

G.N. Gavrilo^a, ShiZhichao^b

^{a)} *Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus, (galina_gavrilo@list.ru)*

^{b)} *Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus, (shizhichao130@gmail.com)*

Corresponding author: G. N. Gavrilo (galina_gavrilo@list.ru)

The paper reviews the debate among Chinese scholars on the subject of Chinese-American relations in the aftermath of the trade war between the parties. Optimistic views are based on the recognition of the overarching importance of China's political and economic relationship with the United States, while the more realistic assessments take